

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

По дешевой цене

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

По дешевой цене

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22138201

Аннотация

«... Чем ближе купец Жерлов подъезжал к Петербургу, тем хуже делалось у него на душе. Являлась какая-то скверная оторопь и малодушное желание вернуться назад, в свою далекую сибирскую трущобу. Ведь всего-то взять обратный сквозной билет – и опять сам большой, сам маленький. Глядя на скуластое, заросшее до самых глаз щетинистой бородой лицо Жерлова, трудно было бы предположить о его внутренней подкладке. Жерлов часто вздыхал, вытирал без особенной надобности лицо шелковым китайским платком и с тоской смотрел на менявшихся соседей. Пробовал он знакомиться, но из этого как-то ничего не выходило. К нему относились с явным недоверием...»

Содержание

I	4
II	10

Дмитрий Мамин-Сибиряк

По дешевой цене

Глава из романа

I

... Чем ближе купец Жерлов подъезжал к Петербургу, тем хуже делалось у него на душе. Являлась какая-то скверная оторопь и малодушное желание вернуться назад, в свою далекую сибирскую трущобу. Ведь всего-то взять обратный сквозной билет – и опять сам большой, сам маленький. Глядя на скуластое, заросшее до самых глаз щетинистой бородой лицо Жерлова, трудно было бы предположить о его внутренней подкладке. Жерлов часто вздыхал, вытирал без особенной надобности лицо шелковым китайским платком и с тоской смотрел на менявшихся соседей. Пробовал он знакомиться, но из этого как-то ничего не выходило. К нему относились с явным недоверием.

– Вторую неделю еду... – смущенно объяснял Жерлов, напрасно стараясь поддержать невязавшийся разговор.

– Вы из Сибири? – следовал вопрос.

– Около того...

– А далеко это будет?

– Да вот вторая неделя пошла, как я выехал из дому.

– В Питер?

– Да, около того...

– По делам, конечно?

– Есть такой грех...хлопот много: от городской управы,

потом от земства, потом...

Случайные собеседники сразу угадывали самые тайные мысли Жерлова, что его и удивляло и огорчало.

– Железнодорожную веточку хотите приспособить к своему Пропадинску? Так-с... И заем при этом городу для устройства электрического освещения, детского убежища и поднятия кустарных промыслов? Очень хорошо. А может быть, что-нибудь продать желаете или организовать компанию для эксплуатации чего-нибудь?

– Да, около того... – смущенно отвечал Жерлов, начиная бояться словоохотливого собеседника.

Ему казалось, что ехавшие господа все был народ отпетый и рано или поздно попадут в места не столь отдаленные. Конечно, одеты все превосходно и держат себя очень даже свободно, а подсудимой скамьи не миновать.

«Видали мы вашего брата, – озлобленно думал Жерлов. – На словах-то вы все, как гуси на воде... Мы тоже ведь не в угол рожей».

Чем ближе к Петербургу, тем пассажиры в глазах Жерлова делались подозрительнее, а в Москве насели такие господа, что он постоянно ощупывал боковой карман, где в толстом

бумажнике лежали разные документы и деньги. На вид все народ чистый, холеный, а что у каждого на уме – неизвестно. Потом до Москвы все точно боялись друг друга, оглядывались и говорили вполголоса, а тут начались совсем открытые разговоры. Оказалось, что большинство ехало в Петербург по таким же делам, как и Жерлов: депутаты от дворянства, земцы, чиновники, помещики и просто люди с таким видом, точно они что-то потеряли и непременно должны найти. Особенно Жерлов не доверял помещикам – для его сибирского глаза это были уже окончательно неизвестные и крайне подозрительные люди. Чем живут люди? Ни ремесла, ни промысла, ни службы, ни торговли. В конце концов для Жерлова сделалось ясным только одно, – именно, что все эти люди будут его жестокими конкурентами и, наверно, везде сумеют забежать вперед, потому что народ тертый, бывалый, и у всякого в Питере найдется не одна «рука».

«Эти-то уж пролезут», – думал Жерлов, прислушиваясь к свободному разговору совсем неизвестных ему людей.

А говорили больше всего о дворянском банке, о новых железных дорогах, о нефти, об южном железе, каменном угле, астраханской рыбе, московских миткалях и плисах, о казенной винной монополии и т. д. Все эти вопросы мало интересовали Жерлова, как непонятное и чужое дело. Его удивляло больше всего то, что все его конкуренты были необыкновенно веселы, точно ехали на какой-то праздник. Одна сцена произвела на Жерлова жуткое впечатление. Среди пассажи-

ров был один почтенный старик с окладистой седой бородой, одетый безукоризненно, с шиком настоящего старого барина. Всю дорогу от Москвы он служил какой-то живой мишенью для острот, все смеялись над ним, и старик сам смеялся над собой.

– Помирать едешь, Иван Петрович?

– Да... Надо когда-нибудь помирать, – соглашался старик, разглаживая бороду. – Вот что скажет дворянский банк...

Одно слово «банк» вызвало неудержимый хохот. Насколько Жерлов мог понять, этот Иван Петрович ухитрился получить из банка за свое имение вдвое больше, чем оно стоило. Потом говорили о конском заводе Ивана Петровича, по пальцам перечисляя его маток и знаменитых производителей. Дальше спрашивали о какой-то борзой «Крале», имевшей пять медалей, о тамбовской тетке, которая должна скоро умереть, о доезжачем Бухме, который сломал ногу, и т. д. Вероятно, все это, взятое вместе, было очень смешно.

– Вам нужно просить пенсию от дворянского банка, – советовал кто-то Ивану Петровичу, и все опять хохотали.

Жерлов только ежился от этого смеха. Как-то очень уж нехорошо все смеялись. Несколько раз он пробовал завести серьезный разговор, но из этого ничего не выходило.

– Вы не знаете ли господина Ноникова? – таинственно спрашивал он, подсаживаясь к кому-нибудь.

– Ноникова? Кажется, есть наездник Ноников...

– Нет-с, совсем даже не наездник, – обижался Жерлов.

– Значит, адвокат?

– Около того... то есть он совсем не адвокат, а был прежде провизором в аптеке. Да... А сейчас воротила по всяким делам...

– Тэ-тэ-тэ... Егор Матвеич? Так вы так бы и сказали с первого раза. Кто же не знает Егора Матвеича!.. Он живет в ресторане Кюба, то есть не живет, а в том роде, как приходит туда каждый день завтракать. У него тут все дела...

Жерлов даже обрадовался, но сейчас же был огорчен Иваном Петровичем, который шепелявым барским выговором объяснил:

– Конечно, Ноников... Я его отлично знаю, а прежде мы были даже друзьями. Да... Как приеду, бывало, в Питер и сейчас посылаю в аптеку за Нониковым. Ну, пообедаем в «Малом Ярославце», а потом играть на бильярде. Я за каждую проигранную партию платил ему сто рублей, а он – денег тогда у него не было, – он пролезал под бильярдом. Да, его хорошо знаю...

Все так хохотали, что Жерлову сделалось неловко. Помилуйте, о таком человеке и так разговаривать. Можно сказать, все зависит от Егора Матвеича, а они ржут. И Иван Петрович хорош, а еще барин называется.

Когда поезд был уже недалеко от Петербурга, этот Иван Петрович подсел к Жерлову, весело подмигнул и, фамильярно хлопнув по коленке, проговорил:

– Продаваться едете? По физиономии вижу... Мы уж

свою Расею распродали, а теперь ваша сибирская очередь. Читал в газетах, что у вас открылась дешевка на все... У нас так же было, а сейчас и продавать нечего. Так-с, батенька... В свое время все там будем. Кланяйтесь Егору Матвейчу... Он помнит меня. Я его прежде Егоркой звал.

II

По совету всезнающего Ивана Петровича, Жерлов остановился в «Европейской гостинице».

– Нельзя, голубчик, – объяснял старик, подмигивая. – Конечно, дорогонько, но зато престиж... А это главное! Остановитесь где-нибудь в меблированных комнатах, и уважение совсем другое. Все наши всегда останавливаются в «Европейской», и я тоже. Меня там все знают, и с управляющим я на «ты».

Действительно, все «наши» остановились в «Европейской», и Жерлов встречал их в буфете. Они не говорили уже о своих делах, а только об еде: «Боже мой, какую уху из налима подали в „Малом Ярославце“... Печенка у подлеца была, как у алкоголика». «А как орудует у „Контана“ повар-француз. Тоже невредно готовят у „Эрнеста“ на островах». «Палкин» был единогласно забракован, как «выдохнувшееся учреждение», причем Иван Петрович уверял, что у него и никогда не было «настоящей традиции», не было руководящей идеи вообще и определенной физиономии в частности. Жерлов решительно ничего не понимал в этих желудочных делах и с тоской думал о родных сычугах, о степной баранине, струганине из нельмы, мороженных пельменях и прочих прелестях доброй сибирской кухни. Впрочем, желудочное хвастовство его конкурентов заставило его

сказать некоторое слово:

– А вы закусывали когда-нибудь живой стерлядью?

– То есть как живой?

– Очень просто: взять живую стерлядку, выпить рюмку водки, отрезать ломтик и закусить.

Все «наши» были поражены, хотя Иван Петрович и уверял, что это «стара штука».

– А вы сами можете это проделать, господин Жерлов?

– И даже очень просто... Интересно, когда ломтик живой стерляди шевелится у вас во рту.

– А вы нам это можете показать?

– Около того...

Явились, конечно, критики, которые уверяли, что в этом решительно ничего нет особенного, и что на Неве зимой самоеды едят какую угодно живую рыбу. Но все-таки сибиряк-купец сделался некоторой кулинарной величиной. Можно даже продемонстрировать его за каким-нибудь деловым ужином. Вообще, человек серьезный, у которого есть будущее. Увлеченный успехом, Жерлов рассказал, как у него на заимке есть один работник, который глотает живых ершей.

– Ну, это, кажется, уже лишнее, – заявил Иван Петрович, делая гримасу.

Впрочем, попавший впросак Жерлов сейчас же поправил свою репутацию.

– А знаете, господа, как пьют на шарап? У нас это постоянно делается, и выходит даже очень смешно. Например, нас

четырнадцать душ собралось, ну, а хозяин нальет всего тринадцать рюмок. Все должны пить вместе, и один остается без рюмки. Дело доходит иногда до драки...

«Дела» начали обделявать только после того, как порядочно простись. Жерлов тоже не торопился, и Ноников, толстенный лысенький человечек, очень был удивлен, что он живет в Петербурге уже вторую неделю и глаз не кажеет.

– Как-то вы это, Иннокентий Фомич?

– А так, компания хорошая попалась. Ну, так мы того... Я в «Европейской» остановился.

– А, понимаю... Там у меня несколько клиентов проедаются. Да, понимаю...

Когда Жерлов принялся перечислять все ходатайства, которые привез с собой, брови Ноникова поднимались все выше и выше, и он в такт рассказа повторял: «Так, так», точно у него в голове ходил маятник.

– А еще ничего нет? – спросил он, дослушав терпеливо до конца. – Значит, все?

– Около того... то есть все.

– Так, так... Удивительный вы народ, господа провинциалы. Все натащите в Петербург столько ходатайств, жалоб и воплей, что сам царь Соломон ничего не разберет. Да... Вошли во вкус и ходатайствуете решительно обо всем. Кто это только придумывает вам эти ваши нужды?

– Помилуйте, Егор Матвеич... Ведь я не от себя лично, а по доверенности. Мое дело представить куда следует, обра-

тить внимание, заинтересовать...

– Так, так... Очень мило.

– Лично ведь я тут ни при чем...

Последнему Ноников, конечно, не верил. У всех его клиентов был один способ обманывать его: сначала одолеют всякими общественными нуждами и ходатайствами, а потом уже, как будто между прочим, распояшутся и со своей личной нуждой. Так же держал себя и Жерлов. Все эти хитрые провинциалы напоминали собой тех налимов, которые прячутся по углам просторных аквариумов, пока не придет повар и не вытащит сеткой самого жирного на уху.

– Будем работать, Иннокентий Фомич, – говорил Ноников, принимая деловой вид. – Только я должен предупредить, что сейчас завален всякими делами по горло... да. В буквальном смыследохнуть некогда. Знаете, мы с вами будем встречаться за завтраком у Кюба. Да, там встретим койкого, кто может пригодиться.

– Что же, мне все равно...

Жерлов уже слышал о ресторане Кюба, как главном пункте, где собираются дельцы по всем отраслям и куда приходят ходатайствующие провинциалы. Этот ресторан был как бы преддверием для всех учреждений. Седовласый Иван Петрович повторял, закатив глаза:

– Ах, Кюба... это... это – идея. Тут увидеть таких людей, таких людей, что... вообще... А каких там устриц подают... Прежде всего: идея. Ведь всякий человек ест, а тут еда со-

единена с делом. От Кюба, батенька, зависит все...

Жерлову пришлось скоро на опыте убедиться, как делаются в Петербурге дела. В двенадцать часов он отправлялся туда, как на службу, заказывал завтрак и ждал Ноникова, который являлся с таким озабоченным видом и говорил каждый раз:

– Ах, как я устал!..

У Кюба Ноникова все знали, и он всех знал. Лакеи ему улыбались, как своему человеку, и у него было даже свое место, точно он приходит на службу. Жерлов тоже скоро изучил собиравшуюся в ресторане публику и знал почти всех постоянных посетителей. Тут были и военные генералы, и разных ведомств инженеры, и адвокаты, и всевозможные дельцы, и какие-то мудреные иностранцы, и просто люди, которые точно хотели умереть именно при такой ресторанной обстановке. Ноников особенное внимание обращал на провинциалов, большинство которых он тоже знал со всей подноготной.

– У нас, Иннокентий Фомич, идет нынче настоящая дешевка, как в гостином дворе. Продаем всю матушку Русь по частям и вообще... Тут всякого злата по лопате: вон кавказский нефтяной князь, там екатеринославские угольщики, там сибиряки-золотопромышленники, мурманские рыбаки, табачники, еинодслы, сахарозаводчики и т. д. Золотое, небывалое время, потому что заграничный капитал на нас двинулся и все забирает – уголь, виноград, железную руду, яйца, лен, рыбу, золото, нефть. Одним словом, продаем с се-

бя последнюю кожу...

Ноников, видимо, готовил своего клиента для решительного объяснения. Происходившая «дешевка» приводила Жерлова в отчаяние. Что же это такое, в самом-то деле? Все продадим, а что самим останется?.. С другой стороны, он отлично понимал, почему Ноников так распространился о дешевке. Последнее слово начинало его просто возмущать, как и другие термины. Например, что такое означает железный голод?

Дешевка шла на такие предметы, самого названия которых Жерлов никогда не слышал. Один офицер продавал какой-то аэролит, доставшийся ему по наследству от тетки, другой господин предлагал купить альбуминный завод, и т. д., и т. д. Жерлов чувствовал только одно, именно – что у него начинает кружиться голова.

А Ноников все тянул и тянул. Ходатайства были представлены куда следует. Везде обещали содействовать и были чрезвычайно любезны, хотя решительных ответов и не последовало. Нужно подождать, сделать доклад, передать в комиссию и еще подождать. Обворожительная готовность петербургских чиновников пожертвовать собственной жизнью за нужды далекого Пропадинска сначала трогала Жерлова чуть не до слез. Помилуйте, такие важные лица – ведь каждое слово на вес золота. Но потом оказалось, что и другие провинциалы пользовались не меньшим вниманием, а Ноников только молча улыбался.

– Уж здесь все устроят... – говорил он. – А что бы нам съесть такое?.. Да, гм...

В сущности, Жерлов плохо помнит, как он выехал из Петербурга. Он пришел в себя только около Твери и с радостью подумал:

– Домой, в Пропадинск... да.

Свое личное дело он все-таки устроил при любезном содействии, причем страшно продешевил.

– Что делать, Иннокентий Фомич, – утешал его Ноников. – Такое уж время...

1905